Ох, вот бы такую женщину в жены. Линь Ваньжун пожалел, что не может обнять Дун Цяоцяо и поцеловать ее. Эта девушка — настоящее сокровище. Выбрав отца и дочь, я проявил хорошую прозорливость.

Хотя отец и дочь Дун не знали, о чем думал Линь Ваньжун, но, видя его восторженные глаза, они были уверены, что он остался доволен их работой.

Увидев, как просветлело лицо Дун Цяоцяо, Линь Ваньжун вдруг рассмеялся: «Мисс Цяоцяо, вы же очень близки со старшей мисс Сяо? Видя, как мы обошлись с ней, как вы можете "быть на стороне злодеев"?»

Дун Цяоцяо знала, что все содержание этих страниц — всего лишь слухи, которые ее отец услышал и приукрасил, а достоверной информации там не было.

Она улыбнулась и сказала: «Господин, как вы и сказали, в бизнесе главное — выгода. То, что в этой брошюре, — всего лишь несерьезные уличные сплетни. Но мы собрали все вместе и немного преувеличили, нигде не оклеветав ее, а исходя из корыстных побуждений. К тому же я не близка со старшей мисс Сяо, мы даже не встречались».

«Отлично», — про себя восхитился Линь Ваньжун. Выпустить три издания таблоида — это уже подвиг, откуда же я мог ожидать достоверности. Однако кое-что в словах Дун Цяоцяо показалось Линь Ваньжуну странным. Разве при пошиве одежды портнихе не нужны мерки мисс Сяо?

Дун Цяоцяо поняла сомнения Линь Ваньжуна и улыбнулась: «Старшая мисс Сяо очень занята, поэтому я всегда беру в пример ее старые платья».

Создать одежду, которая понравится старшей мисс Сяо, по старым платьям — Дун Цяоцяо действительно талантливая девушка.

Они много обсудили, но в этих трех экземплярах таблоида все еще чего-то не хватало.

Дун Цяоцяо с недоумением смотрела на место, специально оставленное Линь Ваньжуном пустым: «Господин, эти пустые места, они для чего?»

Линь Ваньжун загадочно улыбнулся и ничего не ответил. Вместо этого он попросил: «Цяоцяо, у тебя есть древесный уголь?»

Дун Цяоцяо послушно выполнила его просьбу и пошла на кухню искать обгоревшую деревянную палочку для Линь Ваньжуна. В ту эпоху, конечно же, никто не слышал о карандаше или графите. Линь Ваньжун не умел пользоваться кистью для письма, поэтому ему пришлось заменить ее древесным углем.

Линь Ваньжун не рисовал уже четыре или пять лет. Потеряв практику, он потренировал свое мастерство на полу.

Две-три минуты спустя Дун Цяоцяо увидела, как на полу появился портрет красивой женщины. Женщина будто ожила, она была горделива и прекрасна, ее внешность и манера держаться были невероятно реалистичными.

И отец, и дочь видели, как рисуют другие художники кистью, но быстрый эскиз Линь Ваньжуна они увидели впервые.

Позже Линь Ваньжун посмотрел на свой портрет и невольно вздохнул. «Эх, я давно не рисовал, мои навыки немного заржавели. Раньше у меня получалось намного лучше».

Эскизы Линь Ваньжун учился рисовать с первых классов средней школы. А позже в университете, чтобы добиться расположения своей первой девушки, он тренировался все четыре года, в результате чего создал две полные коробки ее портретов. К сожалению, после окончания университета она уехала в США, а у Линь Ваньжуна появилось больше возможностей добиваться других девушек.

Линь Ваньжун продолжал предаваться воспоминаниям, пока Дун Цяоцяо не позвала его несколько раз. Линь Ваньжун наконец пришел в себя и с улыбкой спросил: «Мисс Цяоцяо, что случилось?»

Дун Цяоцяо тихо спросила: «Господин, что это за картина? Она такая простая. Вы очень хорошо рисуете».

К прекрасной и нежной Дун Цяоцяо Линь Ваньжун был очень терпелив. Он улыбнулся и сказал: «Это называется эскиз, простой рисунок кистью из моего родного города. Я давно не рисовал, поэтому сейчас немного потерял форму».

Дун Цяо-цяо покачала головой: «Нет, я думаю, хотя ваш мазок кистью простой, он подобен удивительной и глубокой работе, и самое интересное, что всего лишь одним кусочком обгорелого дерева можно создать такой художественный рисунок. Вы определенно станете „великим ученым, уважаемым за свои знания и честность“».

Хотя у Линь Ванжуна кожа была достаточно толстой, но услышав от неё такой комплимент, он не мог не покраснеть. Он быстро покачал головой и улыбнулся: «Мисс Цяо-цяо, если вы снова так скажете, я стану заносчивым».

Дун Цяо-цяо скрыла улыбку на губах, её прекрасные глаза превратились в пару привлекательных полумесяцев. Она нежно произнесла: «Но я не знаю, из какого вы родом, господин?»

Линь Ванжун был ошеломлен. Побледнев, он мягко произнес: «Мой родной город? Он очень-очень далеко отсюда».

Дун Цяо-цяо подумала, что Линь Ванжун не хочет ей рассказывать. По её лицу промелькнуло отчаяние, и она закусила губу, глядя на рисунок Линь Ванжуна, больше не разговаривая с ним.

Внезапно, пристально посмотрев на портрет, Дун Жэньдэ тихо воскликнул: «Эта женщина очень похожа на госпожу Сяо, но…»

Линь Ванжун улыбнулся: «Присмотритесь повнимательнее, неужели это действительно госпожа Сяо?»

Тщательно рассмотрев рисунок, Дун Жэньдэ заметил: «Кажется, она намного моложе госпожи Сяо и красивее. Неужели… неужели…» Отец и дочь посмотрели друг на друга, на их лицах было удивление, а затем они взглянули на Линь Ванжуна и сказали: «Это старшая мисс Сяо…»

Линь Ванжун улыбнулся, ничего не говоря. Дун Жэньдэ поспешно спросил: «Господин Линь, вы видели старшую мисс Сяо?»

Линь Ванжун покачал головой и ответил: «Даже вы двое её не видели, чего уж говорить обо

мне? Просто сегодня я случайно увидел госпожу Сяо, поэтому этот портрет нарисовал по её образу. Изображая её, я руководствовался воображением, и думаю, что он должен иметь некоторое сходство с реальным человеком».

Отец и дочь из семьи Дун, помимо выражения удивления и восхищения на лице, не имели ни малейшего представления, был ли портрет действительно похож. В конце концов, не многие художники могли, опираясь только на внешность 30-летней женщины, нарисовать её 20-летнюю дочь. Поэтому теперь, с их точки зрения, этот господин Линь, похоже, действительно мог сделать всё, что угодно.

Наблюдая за их поведением, Линь Ванжун тайно усмехнулся. Он намеренно нарисовал старшую мисс Сяо по своему воображению, сделав её более молодой и красивой, только чтобы заставить тех талантливых ученых поверить, что это и есть образ старшей мисс Сяо, который они рисовали в своих фантазиях.

Потренировавшись в написании палочкой и сочтя, что часть его навыков вернулась, Линь Ванжун попросил Дун Цяо-цяо найти нож. Затем он осторожно вырезал из деревянного угля что-то в форме карандаша. Хотя его руки и были полны пыли, он с удобством держал его в руке.

Дун Цяо-цяо снова стало любопытно: «Господин, это кисть для письма? Почему она такая странная? Как она называется?»

Линь Ванжун с улыбкой произнес: «Когда я рисую, мне нужна вещь под названием карандаш. Но поскольку у нас её здесь нет, мне пришлось взять деревянный уголь и вырезать из него что-то подобное. Позже, когда я закончу рисовать, вам придется помочь мне сохранить его, возможно, однажды он мне снова понадобится». Дун Цяо-цяо послушно кивнула.

Взяв в руки «карандаш», Линь Ванжун словно вернулся к тому безымянному озеру, где рисовал пейзаж со своей девушкой. Настроение его было прекрасным, и он снова начал рисовать. Не прошло и нескольких минут, как на бумаге появилось более нежное и естественное изображение красивой женщины. Благодаря улучшению инструмента в сочетании с его «настроением» портрет был на два порядка выше предыдущего.

На том портрете прекрасное платье женщины как бы трепетало, будто фея плывет по волнам. Ее едва заметная улыбка, величественная и элегантная аура создавали ощущение, что она стоит прямо перед тобой. Ее брови были слегка нахмурены, как будто в них таилась капля печали. Эти детали были добавлены Линь Ванроном в соответствии с недавним положением семьи Сяо, о котором ему рассказал Дун Рендэ. Целью было сделать ее еще более реалистичной.

- Это действительно старшая мисс Сяо? Она правда хороша собой, - со стороны Линь Ванрона тихонечко вздохнула и невольно воскликнула Дун Цяоцяо: - Было бы чудесно, если бы у меня был такой портрет.

- Да без проблем, как-нибудь я нарисую и тебя, - улыбнулся Линь Ванрон.

http://tl.rulate.ru/book/83172/3966620